

«ОСТРАНЕНИЕ» КАК ПРИЕМ

Рецензия на работу: Tomaiuolo S. *Deviance in Neo-Victorian Culture. Canon, Transgression, Innovation.* Palgrave Macmillan, 2018. 253 p.

О.Н. Кохан

Аннотация. Рецензия на книгу С. Томайоло «Deviance in Neo-Victorian Culture. Canon, transgression, innovation» / «Девиантность в неовикторианской культуре» (Palgrave Macmillan, 2018) представляет несколько исследовательских кейсов, объединенных общей концепцией культурных фильтров, сквозь призму которых современность адаптирует, коммодифицирует и аналитически переосмыляет прошлое. Рассмотренные в монографии Томайоло современные реинтерпретации викторианской культуры охватывают как традиционную художественную литературу, так и графические романы, киноадаптации, обращенные к сенсационным сюжетам истории культуры и повседневности викторианской эпохи, телесериалы, экспозиции тематических парков и отдельные фотоработы. Главный акцент исследования Томайоло – в анализе разнообразных аспектов (санитарных, физиологических, сенсорных, сексуальных и пр.), ассоциируемых с девиацией, трансгрессией и нарушением норм, и таким образом расшатывающих систему идеологических и культурных порядков (М. Фуко).

На фоне неугасающего интереса широкой публики к популярной неовикторианской культуре, работа Томайоло представляет интерес, прежде всего, как пример тонкой аналитической рефлексии над системой норм и их проблематизацией в современной культуре, использующей в качестве эффективного материала для самовыражения и идеологической полемики с нормативностью художественное наследие сенсационной литературы викторианской эпохи.

Ключевые слова: неовикторианские исследования, современная популярная культура, девиация, культурная саморефлексия, Томайоло/

“OSTRANENIE” AS DEVICE

Review on:

Tomaiuolo S. *Deviance in Neo-Victorian Culture. Canon, Transgression, Innovation.* Palgrave Macmillan, 2018. 253 p.

O.N. Kohan

Abstract. Review of S. Tomaiuolo's book "Deviance in neo-Victorian culture" (Palgrave Macmillan, 2018) presents several research cases united by a concept of cultural filters, through the prism of which contemporary artists adapt, commodify and analytically rethink the past.

The modern reinterpretations of Victorian culture considered in Tomaiuolo's monograph cover both traditional fiction and graphic novels, film adaptations addressing sensational subjects of the history of culture and everyday life of the Victorian era, television series, theme parks' expositions, and individual photographic works. The main focus of Tomaiuolo's research is the analysis of various aspects (sanitary, physiological, sensory, sexual, etc.), associated with deviation, transgression and violation of norms, and thus undermining the system of ideological and cultural orders (M. Foucault).

Against the background of enduring interest to Neo-Victorian popular culture, Tomaiuolo's book is of interest primarily as an example of a thorough analytical reflection on the system of norms and their problematization in contemporary culture, which uses spectacular heritage material of the Victorian sensational literature for self-expression and topical controversy with the normativity as such.

Keywords: Neo-Victorian studies, contemporary popular culture, deviance, cultural self-consciousness, Tomaiuolo.

По словам Луизы Хэдди, специалиста в области неовикторианских исследований (Neo-Victorian Studies), «несмотря на перенасыщение книжного рынка, популярность неовикторианской литературы свидетельствует о пока неутоленном аппетите читающей публики» [Hadley, 2010, p. 141]. Не утолен он и в академическом сообществе. В фокусе внимания недавно вышедшей в издательстве Palgrave Macmillan монографии Саверио Томайоло *Deviance in Neo-Victorian Culture. Canon, transgression, innovation* (2018) метафоры «фильтра» и «путешествия во времени», непосредственно связанные с постструктуралистской практикой мыслить любое интеллектуальное предприятие как настройку аналитической оптики. На сей раз Томайоло, известный своей монографией о сенсационности в викторианской культуре *In Lady Audley's Shadow: Mary Elizabeth Braddon and Victorian* (2010), опубликованной в серии под редакцией одного из крупнейших представителей деконструктивизма Майкла Уолфрейса [Tomaiuolo, 2010], обращается к разнообразным современным реинтерпретациям викторианской культуры — от тематических парков до популярных телефильмов и фотоискусства.

Актуальность исследования связана со сложностью неовикторианского феномена, который включает в себя не только романы, но и кинематограф, телевидение, видеопродукцию, предметы дизайна и т.д. Возникают трудности понимания феномена и в связи с его ориентацией, с одной стороны, на коммерциализацию, коммодификацию и ресентимент, а с другой, — на сознательную стилизацию, пастиш, кэмп и историографическую ревизию. В настоящее время специалисты в области неовикторианских исследований считают современные тексты (литературные, кинематографические, аудиовизуальные) предметом своих исследований в том случае, когда эти тексты в той или иной степени обнажают саморефлексию в процессе (ре)интерпретации викторианской эпохи [Heilmann and Llewellyn, 2010].

Исследователь продолжает линию размышлений Мэтью Свита, который в своей монографии *Inventing Victorians* (2001) предполагает, «что все, что мы думаем и знаем о викторианцах, неверно; что за столетие, прошедшее с 1901 г., мы превратно истолковали их культуру, их историю, их жизнь — возможно, намеренно, чтобы почувствовать торжество над теми, кто якобы не знал настоящей свободы» [Цит. по Tomaiuolo, 2018, p. 7]. Интрига этой нескучной монографии в еще более смелой интеллектуальной спекуляции: А что, если, вместо того, чтобы обрушиваться с ревизиями на викторианцев, представить, как бы они оценили нашу жизнь? Что, если бы представитель викторианской эпохи, такой, как, скажем, Чарльз Диккенс, мог отправиться в нашу «текущую современность» (З. Бауман), чтобы пересмотреть, оспорить или даже найти подтверждение своим эксцентричным убеждениям?

Несмотря на хронологические, художественные и политические разногласия, разделяющие любимых героев автора монографии Диккенса и Бэнкси, оба художника известны либеральными взглядами, озабоченностью по поводу социальных бед и даже любовью к экстравагантным кукольным представлениям «Панч и Джуди». Если бы Диккенс совершил путешествие во времени и оказался бы в тематическом парке *Dickens World*, вероятно, он скорее предпочел бы покинуть мизансцену ностальгического спектакля, чтобы оказаться в интригующем, тревожном и неблагополучном *Dismaland* Бэнкси.

Решение сосредоточиться на «девиантных» аспектах позволило С. Томайоло продемонстрировать специфику идеологических и культурных фильтров неовикторианства и, лишь потом указать на собственно викторианский статус кво. Обращение к разнообразным жанровым форматам неовикторианского текста сегодня связывается Томайоло с традицией сенсационной литературы прошлого: мы не должны забывать о провозглашенном и проведенном в жизнь желании Диккенса учить читателей «только фактам», но посредством всяких «затей» (*fancy*).

Помимо этого, вместо традиционного противопоставления эпох, исследователь сближает настоящее и прошлое, говоря о различных стратегиях творческой реконструкции викторианского прошлого. Одна из них – воспроизведение популярных стереотипов, ассоциируемых с так-называемым «культурным наследием» [Gutleben, 2001]; в других случаях писатели намеренно акцентируют провокационные, неожиданно «современные» аспекты повседневной жизни викторианцев. Последнее С. Томайоло остроумно называет культурным жутким (*unheimlich*), с отсылкой к знаменитой фрейдистской работе «Жуткое», в которой психоаналитик развивает идею зловещего: его истоком становится знакомое, домашнее и близкое (*heimlich*).

В первой главе монографии девиация связана с темой грязи, которая рассматривается как пример «эпистемологического отклонения» (М. Фуко). Являясь санитарной проблемой, грязь также выступала как культурный конструкт викторианцев: получив маркер «грязного», нежелательные субъекты и ненормативные установки, строго контролировались и вытеснялись из публичного дискурса. Уже антрополог Мэри Дуглас в своей книге *Purity and Danger* (1966) и Юлия Кристева в размышлениях о «презренном» усматривают маргинализацию в наименовании «грязного». Так, в исследовании Дуглас о социальном значении грязи она утверждает, что нет такой вещи, как абсолютная грязь, она существует лишь в глазах смотрящего, для которого грязь «оскорбляет порядок» [Douglas, 1966], продолжает эту мысль и Коен, который указывает на то, что грязь «представляет собой культурную локацию, в которой сходятся человеческое тело, социальная иерархия, психологическая субъективность и материальные объекты» [Cohen, 2005, p. viii]. Отметим, что подобный подход, но на другом материале разработан в недавней монографии Сабины Шултинг [Schulting, 2016]. Исследуемые С. Томайоло романы – бестселлеры конца XX в., среди которых роман Мишеля Фабера *The Crimson Petal and the White*, рассказы Мэтью Нила *Sweet Thames* и высоко чтимые фанатским сообществом книги из серии *The Great Stink* Клэр Кларк. Избрав площадкой действия викторианский Лондон, в котором разворачиваются драматические коллизии, подвергающие испытанию само представление о норме, тексты выстраиваются как система идеологических, культурных и сенсорных оппозиций: мораль против безнравственности, респектабельность против преступности, здоровье против болезни, аромат духов против вони и т.д.

Вторая глава посвящена воплощению «телесного отклонения», культурным репрезентациям физической нестандартности Хулии Пастрана, известной как «женщина-обезьяна». Феномен Пастраны на долгое время стал объектом научного интереса и источником для художественных замыслов литераторов и режиссеров, трактующих

ее судьбу подчас с противоположных идеологических и эстетических точек зрения. Среди репрезентаций, рассмотренных Томайоло, на сей раз сквозь призму методологии Поля Рикера, — фильм Марко Феррери *La donna scimmia*, географически и хронологически переносящий историю «женщины — обезьяны» в Италию 1960-х гг., роман Джулиана Фенека и Сандры Олсон *Julia Pastrana*, роман Розы Гарланд *The Palace of Curiosities* и, наконец, *Orphans of the Carnival* Кэрол Берч.

Графический роман Яна Эджинтона *Victorian Undead: Sherlock Holmes vs Zombies!* привлек внимание Томайоло как яркий пример изображения «социальной девиации» и страха насилия, пронизывающего как викторианское, так и современное общество. Исследования психогеографии города, лондонского текста в его готическом, социальном, криминальном и психопатологическом аспектах — популярное направление современных городских исследований [см. об этом: Джумайло, 2018]. Оригинальность подхода Томайоло в обнаружении символической близости между страхом викторианцев перед преступностью представителей географических, экономических и политических «окраин» Лондона (и Империи) и создаваемым аффектом стимпанковской версии Эджинтона, в которой девиантность воплощают зомби и пришельцы, управляемые не кем иным, как заклятым врагом Холмса Мориарти. Наблюдения исследователя будут также интересны поклонникам хорошо переведенного в России Питера Акройда, главным героем романов которого, по признанию самого автора, становится Лондон-убийца.

Четвертая глава посвящена качественному телесериалу *Penny Dreadful* и функциям необарочной эстетики излишеств (педалируемая театральность, визуальная избыточность), использованной в качестве ключа к проблематизации дискриминационной политики в поздневикторианском обществе. Однако знаменитые вымышленные персонажи девятнадцатого века, такие как Франкенштейн, Дориан Грей и Дракула, населяющие готический Лондон *Penny Dreadful*, являются рупором проблем двадцать первого века, связанных с полом и сексуальностью. Инаковость, «сексуальная девиантность» мыслятся как чудовищное покушение на социальное здоровье, нарушают моральные, физические, религиозные и культурные границы. Томайоло опирается на комментарии создателя сериала Джона Логана, когда утверждает, что ужасная, часто сверхъестественная, природа монстра становится метафорой социальной изоляции. Интересны комментарии к интертекстуальности, связанные с опосредованными «бинокулярной» оптикой и «культурными» фильтрами изображений Лондона в телесериале. Лондонский метрополис как лабиринт постоянно присутствует в неовикторианских графических романах (например, *From Hell* Алана Мура, *The League of Extraordinary Gentlemen* Брайана Огастина и *Gotham by Gaslight* Майка Миньолы), в романах Фабера и Симмонса, в популярных телевизионных сериалах, таких как *Whitechapel* и *Ripper Street*. При этом *Penny Dreadful* включает в себя аллюзии на различные тексты XIX в., изображающие Лондон как столицу мрачных тайн, такие как *The Mysteries of London* Джорджа У.М. Рейнольдса (1845), *London Labour and the London Poor* Генри Мэйхью (1851) и *Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde* Роберта Льюиса Стивенсона (1886). По мнению Томайоло, есть

и визуальные стилизации: зловещий, грязный и туманный город, изображенный в телефильме, похож на лондонскую серию иллюстраций 1869 г. Гюстава Доре. Отметим, что почти во всех главах Лондон фигурирует как географический и идеологический центр викторианской культуры, в которой оказывается место нормативному и девиантному, респектабельному и коррумпированному, публичному и тщательно замалчиваемому, прогрессивному и пугающе архаичному.

Пятая глава развивает идею «визуальных девиаций» с опорой на понятия *punctum* и *studium*, предложенные Роланом Бартом в эссе *Camera Lucida*. Материал исследования – артефакты изобразительного и фотоискусства современных художников, работающих в русле неовикторианских реинтерпретаций. Серия образов джентльменов и благородных дам, превращающихся в монстров (с помощью фотошопа и рисунков пером и чернилами), созданная Дэном Хиллером, обращается к таким проблемам, как насилие, угнетение и утрата идентичности. Художественная «редактура», внесенная Энтони Рисом в изображения заключенных и обитателей приютов, направлена на воскрешение из небытия замалчиваемых историй прошлого.

В монографии С. Томайоло рассматриваются любопытные примеры разрушения канонических представлений о викторианстве в современных неовикторианских художественных текстах. Во-первых, сами по себе трансгрессия и ревизия, характерные для неовикторианцев уже работают с пресловутой «нормативностью» оценок (самих викторианцев и наших современников). Во-вторых, викторианская эпоха была гораздо более «девиантной», чем принято думать. Так, понятие девиантности оказывается в идеологическом конфликте и с предполагаемым взглядом эпохи на саму себя, и с расхожей репутацией викторианства в наши дни.

Таким образом, несколько калейдоскопическая композиция монографии, будто состоящая из пяти интереснейших исследовательских кейсов, не мешает увидеть единый аналитический «фильтр»: Томайоло смотрит на самую актуальную повестку не викторианской эпохи, а XXI в. своего рода «остраняющим» взглядом. Он отказывается от игры в релятивизацию исторических реалий викторианской эпохи, от того, что Фредрик Джеймсон назвал «ослаблением историчности», типичным для певцов постмодерна [Jameson, 1984, p. 6]. Книга будет интересна исследователям культуры, так как в центре ее размышлений – возможность культурной саморефлексии современности из которой только и возможен «взаимный обмен идеей между викторианскими и неовикторианскими исследованиями» [Tomaiuolo, 2018, p. 20].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Джумайло О.А. Новые книги о Лондонском тексте // *Практики и интерпретации*. 2018. № 2. С. 178–195.

Cohen W.A. Introduction // *Locating Filth. In Filth. Dirt, Disgust, and Modern Life*. Ed. William A. Cohen and Ryan Johnson. Minneapolis and London: University of Minnesota Press. 2005. Pp. vii–xxxvii.

Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of the Concept of Pollution and Taboo. London and New York: Routledge, 1966. 188 p.

Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. London and New York: Verso, 1984. 438 p.

Gutleben C. Nostalgic postmodernism: the Victorian tradition and the contemporary British novel. Amsterdam: Rodopi, 2001. 248 p.

Hadley L. Neo-Victorian fiction and historical narrative: the Victorians and us. London: Palgrave Macmillan, 2010. 216 p.

Heilmann A., Llewellyn M. Neo-Victorianism: The Victorians in the Twenty-First Century, 1999–2009. Basingstoke: Palgrave, 2010. 335 p.

Schülting S. Dirt in Victorian Literature and Culture. Writing Materiality. London: Routledge, 2016. 204 p.

Tomaiuolo S. In Lady Audley's Shadow. Mary Elizabeth Braddon and Victorian Literary Genres. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 222 p.

Tomaiuolo S. Deviance in Neo-Victorian Culture. Canon, transgression, innovation. London: Palgrave Macmillan, 2018. 253 p.

REFERENCES

Dzhumaylo O.A. Novye knigi o Londonskom tekste [New Books on the London Text], in *Praktiki i interpretacii*. 2018. № 2. Pp. 178–195. (In Russian)

Cohen W.A. Introduction, in *Locating Filth. In Filth. Dirt, Disgust, and Modern Life*. Ed. William A. Cohen and Ryan Johnson. Minneapolis and London: University of Minnesota Press. 2005. Pp. vii–xxxvii.

Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of the Concept of Pollution and Taboo. London and New York: Routledge, 1966. 188 p.

Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. London and New York: Verso, 1984. 438 p.

Gutleben C. Nostalgic postmodernism: the Victorian tradition and the contemporary British novel. Amsterdam: Rodopi, 2001. 248 p.

Hadley L. Neo-Victorian fiction and historical narrative: the Victorians and us. London: Palgrave Macmillan, 2010. 216 p.

Heilmann A., Llewellyn M. Neo-Victorianism: The Victorians in the Twenty-First Century, 1999–2009. Basingstoke: Palgrave, 2010. 335 p.

Schülting S. Dirt in Victorian Literature and Culture. Writing Materiality. London: Routledge, 2016. 204 p.

Tomaiuolo S. In Lady Audley's Shadow. Mary Elizabeth Braddon and Victorian Literary Genres. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 222 p.

Tomaiuolo S. Deviance in Neo-Victorian Culture. Canon, transgression, innovation. London: Palgrave Macmillan, 2018. 253 p.